

ВЛАДИМИР ТУЧКОВ

1996 N13

ГОРКА

Лежи, лежи, не шевелись! А то холмика не получится. На санках негде будет кататься. А он, в общем-то, и не шевелился. Раз выбрали самый плохим, самым гадким, значит, так оно и есть. Значит, так надо.

Дети дружно прихлопывали снег лопатками. Дима принес ведро воды. Полили и еще присыпали.

Прошли взрослые с песней Майи Кристаллинской "А снег идет, а снег идет, и всё вокруг чего-то ждет". Прошли трехчасовые "Последние известия" по первой радиопрограмме. Прошли пятнадцать лет после окончания войны.

Вот уже горка почти и готова - ростом с Санькиного брата Серёгу из ремесленного. Чтобы удобней было взбираться, ступеньки сделали. И даже песком их посыпали. Но только самое катание началось - стемнело. Матери из форточек заорали: Мишка-а-а! Зинка-а-а! Колька-а-а! Вовка-а-а! Петька-а-а! Шурка-а-а!

А вскоре и каникулы закончились, потом лето наступило, потом выпускной вечер. Кто на завод пошел, кто в институт, Колька по пьянке сел, а потом выходил ненадолго и опять в зону, Зинка уксусной эссенцией травилась, еле спасли... Потом и дом сломали. И все куда-то разъехалось.

ПЕСНЯ

Когда острожников с отрезанными языками после пятой начинает душить песня, зовут Степана. Тот, особенно не заламывая цену и сговорившись на двух стаканах, берет под мышку баян и, поскрипывая дощатым тротуаром, идет милосердным посланником. Идти недалеко и недолго, но они уже красные от неизбыточной натуги, почти уже готовые перерезать себе горла, чтобы вышло - хоть и без слов и мелодии - разрывающее изнутри раздолье. Степан входит, садится в центре комнаты на табурет, расстегивает на баяне кнопку, разводит меха, обводит взглядом застолье и:

- Из-за острова на стрежень... - в половину пока еще свежего голоса и чувства, обдавая вечных живительным ветерком, как бы впрягаясь в баян поудобней и трогая с расчетом на дальнюю дорогу, - На простор речной волны, - долго прокатывая, словно бурливый речной порог, два "эр", сошедшихся в середине строки.

Немые, уже успокоившиеся, отошедшие от суетливого ужаса предсмертья, сидят, покачиваясь в такт мелодии, чуть слышно мычат, не сводя глаз с ловких пальцев, с вибрирующего во рту языка, с которым они, люди злые и безмерно отчаянные, не то что не обойдутся, как в свое время обошлись с их собственными, но и каждый из них умрет за него, если это вдруг потребуется...

- Позади он слышит ропот, - все громче, все нарастая в чувстве, все больше вставая в то время, в те обычаи, все сильнее ощущая славу тех лет, доблесть и беспримерную душевную щедрость.

А немые острожники уже единой волной - головы, присобаченные прямо к плечам, поросшие шерстью плечи, туловища, обрезанные неструганым столом, - заходили. И мычание уже лишь на треть слабее степанова голоса. А к концу песни до воя дошло - низкого, морозного...

- ...на помин ее души. - И оборвалось, и перешло в топот, в удары кулаков по столу.

Степан выпил первый стакан. Отдышался и опять вбуравился в него сквозными глазами.

- Степь да степь кругом, путь далек лежит, - уже более высоким баритоном, от которого к щекам приливает бледность и сразу же хочется плакать по себе. Увечные сразу же вступили тихим подвыванием, из которого грозно торчали заиндевшие клинки несломленности. На словах "передай поклон родной матушке" один из них глухо ударился головой о стол, и из рассеченной брови потекла кровь.

Закончили и про степь. И тоже на пределе человеческих возможностей. Степан выпил второй стакан. И еще некоторое время наблюдал, как они постепенно заканчивали плакать, обниматься и бить друг друга по спинам огромными кулачками. Все снова настроились. Но было ясно, что третью такую же они не сдюжат, что их сердца разорвут сами себя в ключья. Поэтому, подмигнув, начал разухабистые куплеты с припевом: "Опа, опа, жареные раки, приходи ко мне, чувак, я живу в бараке!"

Из холостых глоток вырвалось одобрительное: "Ы - Ы - Ы!" Повскакивали из-за стола, уже изрядно пьяные, затопали ногами, распутулись. Один попробовал присядку, тут же свалился, вскочил довольный и снова заколотил сапогами в пол. Пока еще не блевали, поэтому в общую радость включились сразу же, сломя голову...

Степан, как бы давая простор топочущему веселью, все ближе и ближе передвигался на табурете к выходу, чтобы, когда у них, как обычно, начнется поножовщина и ложе мужество, выскочить вон и бежать со скоростью, максимально возможной для сорокалетнего человека, выпившего два стакана водки.

ДУЭЛЬ С ДОЛГОРУКИМ

Услышав глубокой ночью грозное "Стой, стрелять буду!", естественно, остановившись и будешь покорно дожидаться дальнейшего развития событий. Минут через пять, когда убедишь себя, что всё это просто приснилось тебе на ходу, сделаешь три-четыре пробных шага. Но вновь тебя остановит грозный окрик. И что же? Опять ничего. Так повторится и в третий раз. Но тут ты уже запыленгуешь источник звука, который исходит от монумента Юрию Долгорукому.

- Из чего, княже? Из лука аль из арбалета?
- Из Макарова! - ответит тебе грозное изваяние.
- Откель Макаров-то? - на том ваш разговор и иссякнет. И пошагаешь дальше, с достоинством.

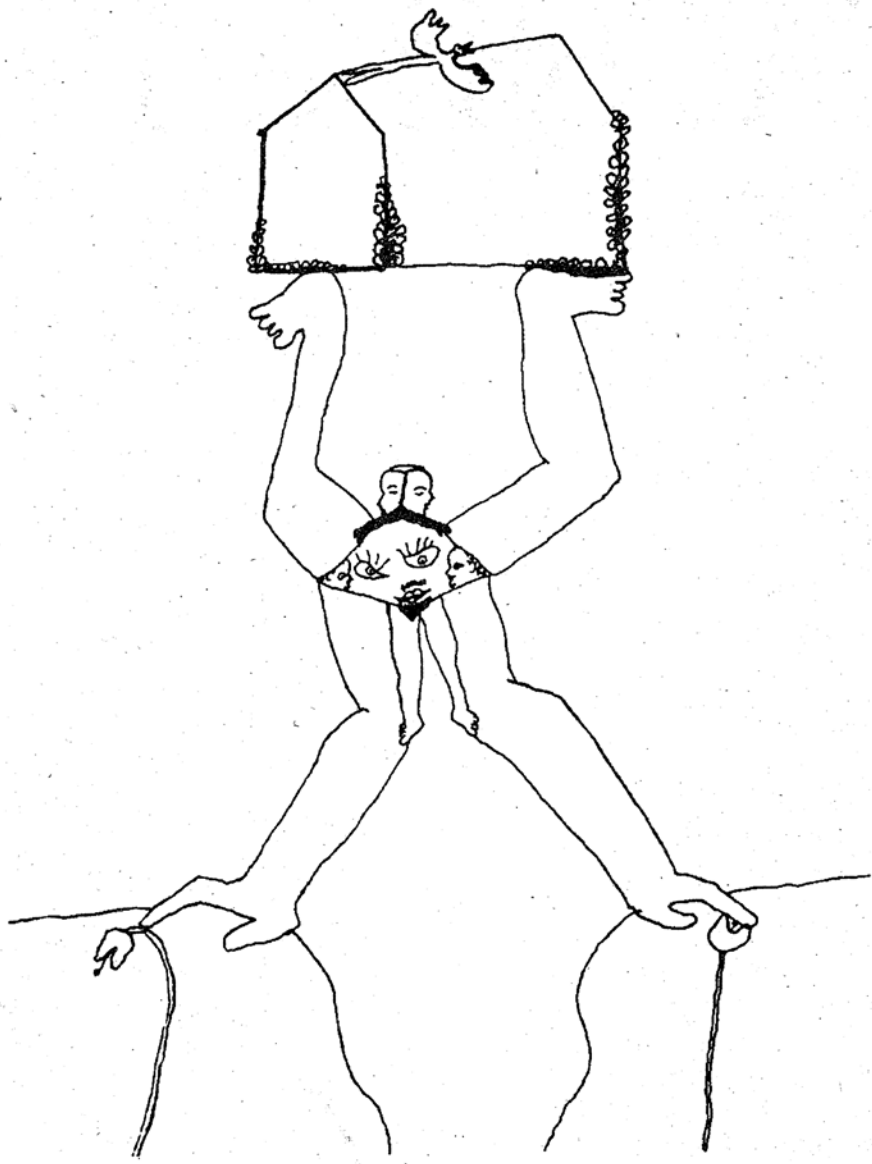
А наутро прочтешь в сводке, что на Тверской площади был найден труп мужчины, личность которого устанавливается. Это тебя несколько возбудит, и ты выкуришь подряд четыре сигареты, для притупления.

Вернувшись со службы, сразу же прильнешь к телевизору в ожидании "Московских новостей". Дождешься и увидишь свою фотографию во весь экран, сопровождаемую словами: "Всех, кто знает что-нибудь об убитом, просим сообщить по телефону..." И называют семь каких-то цифр, которые пляшут у тебя перед глазами и гудят в ушах.

Через некоторое время ты вновь способен воспринимать действительность. И даже находишь во всем этом некое борхесовское изящество. Поэтому когда через два часа новости повторяют, уже успеваешь записать номер телефона. И смакуя каждую из семи цифр, выстраиваешь в голове причудливый сюжет, где в качестве главного героя выступает твоя скромная персона. Это гормонально освежает.

Затем, когда все данные полностью использованы и для последующих построений необходима новая пища, снимаешь трубку. И сразу же за "Здравствуйте" бросаешь в коммуникативное жерло: "Владимир Яковлевич Тучков". Выслушиваешь благодарность и рассказываешь о том, кем был убитый, с кем встречался в тот трагический день, кому мог мешать. Называешь адрес и номер телефона - чтобы сообщили близким.

Закуриваешь и, обмирая, ждешь звонка. Через полчаса сам

Ханс Викстен. Из "Книги жизни". 1987.

звонишь на АТС и просишь проверить телефон. Он исправен. И это даёт тебе возможность продвинуть сюжет ещё на десять страниц вперед.
Звонят. В дверь. Открываешь, намереваясь выслушать. Входят. Двое. И после слов "Зря вы тогда не поверили" стреляют в упор.

ТРАМВАЙНЫЕ КОЛЁСА, ЛИЧЕВЫЕ НАПИЛЬНИКИ И СКЕЛЕТ
ЯПОНСКОГО ШПИОНА

Сажая дерево в бочку, подвешенную на канатах. Через некоторое время бочку слегка наклоняешь, отчего наклоняется и дерево. Однако дальнейший его рост всё равно устремляется вертикально. Потом наклоняешь ещё, в ту же сторону. И опять дерево своей отрастающей частью упрямо рвётся ввысь. Так продолжаешь делать до тех пор, пока бочка не совершит полный оборот на 360 градусов. Именно так наши предки делали колёса - для крестьянских телег и боевых танков.

Ну а все досужие разговоры о том, что, дескать, на токарном станке тачали или на пару гнули, произошли из-за нарушения связи времён. Вначале времена были, а связь отсутствовала. Потом наоборот - связь наладили, а времена канули. И уже не только не услышишь, но и не прочтешь нигде, например, о гонках трамваев; которые устраивались в Москве вплоть до Империалистической. Ажитация была неслыханная. Пари на крупнейшие суммы заключали. Весь мастеровой люд в предвкушении был пьян с самого утра. Гимназисты из классов сбежали. В борделях выходной объявляли, по поводу чего москвичи шутили: "Вчера под улялем, сегодня под трамваем". Гремели оркестры, гудели колокола, трещали электрические звонки... Однако колёса были уже железными. Но не литыми, как теперь ошибочно считают. Колёса для трамваев тогда личевыми напильниками выпиливали. Никакой технологии не было, зато любовь к материалу была феноменальная!

Потом появились самолёты и парашюты. Но и это искажено благодарными потомками. Самолёт тогда не "взлетал - летал - приземлялся", а наоборот - "приземлялся - стоял - взлетал". Именно такова была последовательность на заре авиации, и искажать её несправедливо никому. Потому что такой омерзительной рифмовки как "взлетал - летал" наши предки, воспитанные на Блоке, не могли себе позволить даже в борделе-с! Даже человек из народа, захлебывавшийся водами фольклорной реки Волги, не мог вопить: "Тону - утону!" Всегда находились более деликатные слова, не ранящие ничье ухо, взлелеянное Скрябиным...

Да, бывало, конечно, и разбивались. На то и пионерами были. Поэтому в скором времени придумали парашют.

Однако известен ряд случаев, когда сей спасательный аппарат исполнял роль орудия нечеловеческих мучений. Например, во время второй мировой войны японский шпион, заброшенный в глухую сибирскую тайгу, намертво зацепился парашютом за ветви кедра. Все его попытки перегрызть стропы оказались тщетными. В результате он мучительно долго поедался вначале куницами, а затем насекомыми.

Год спустя, когда война уже закончилась, охотник, имя которого не сохранилось, обнаружил болтавшийся в полутора метрах от земли прекрасно обглоданный скелет с азиатскими чертами. Но то, что вероломному врагу послужило причиной страшной смерти, для наших детей оказалось подспорьем в учёбе. Учительница биологии неоднократно приводила к заветному кедру смысленных ребятишек и показывала, где у скелета берцовые кости, где таз, где рёбра, как всё это сочленяется и как происходит в движение.

Кстати, тот безвестный японский разведчик оказал неоценимую услугу и мне. Его история вдохновила меня написание широко известного стихотворения "Парашютист, марионетка неба, играющий на стропе в предзакатный час..." Правда, этот образ в действительности является составным, вобравшим в себя и судьбу некой артистки, которой лопнувшая струна выбила глаз...

Так что с нашей историей, с её героическими и трагическими страницами постоянно происходит невозвратная путаница. Что уж говорить о преданиях, когда даже старики-очевидцы нагло лгут, не моргая глядя в телекамеру. "Плохо жилось при царе?" - "Ой, плохо, сынки, мочи никакой не было!" "Хорошо жилось при царе?" - "Ой, хорошо, сынки, сыты и обуты были!" Аalebс смотрит и слюны пускает. Загрести бы вас всех к себе в крепостные, вы бы у меня трамвайные колёса голыми руками с утра до вечера гнули!